

Сарафан

Сарафан отдала тетя Аня — мама принесла от нее набитый вещами пакет. На нем были новогодние узоры, а стоял май. Саша расстроилась — даже пакет им дали неправильный. Мама доставала чужие вещи, рассматривала, вытягивая перед собою руки, называла вещи по имени, радовалась. Как будто само узнавание делало вещь подходящей, своей.

— Кофта! Смотри, кофта какая! — мама улыбалась.

Кофта была черная с длинными рукавами. Саша такие уже, конечно, видела. Мама заговаривала вещи дальше.

— Штаны — тебе гулять! Юбка на меня! Ветровка!

Саша качала ногой, разглядывая стену или потолок, лишь бы не смотреть на все то, что называла мама.

Тут появился сарафан. Из вороха черного, серого, угрюмо-бордового выпорхнула легкая ткань, светло-зеленая, в темный крупный горошек. Саша посмотрела, хотя мама и не просила.

— Примерь-ка.

Саша сжала руку, кольнула ногтями ладошку, огорченно подумала: наверняка не подойдет.

Сарафан подошел. По длине, ширине бретелей, по цвету и форме юбки — подошел так, словно Саша сама выбрала его в магазине.

Мама улыбнулась, Саша тоже.

***

Июнь, как нарочно, был жаркий. Саша надевала сарафан почти каждый день. Во дворе они всей компанией сидели на толстых серебристых трубах с горячей и холодной водой. Нога Саши свисала, юбка прикрывала ее почти до самой колени, мягкая ткань легко щекотала кожу, отгоняла жару.

Саша сказала:

— Я поеду учиться в Москву.

Виталик ответил:

— Обязательно поедешь, если хочешь.

Никто не возразил, даже не засмеялся.

Саша подумала: и правда — обязательно поедет. В этот ленивый жаркий день она была почти взрослой и почти нарядной. До выпускных экзаменов оставалось целых четыре школьных года.

В компании все молча согласились, что зеленый сарафан в темный горошек настолько хорош, что можно носить его каждый день. Никто больше не шутил, что у Саши нет другой одежды. К тому же во второй раз эта шутка вышла бы не

такой удачной. В первый и единственный, самый смешной, раз так пошутил Виталик. Еще прошлым летом. Все долго хохотали, даже Ирка. Саша тоже улыбалась, хоть и колола ногтями ладошку. Если бы она в самом деле носила хоть что-то еще, кроме джинсовых шорт и розовой футболки, никакая шутка у Виталика бы не вышла.

Июль оказался еще жарче. Все брызгались водой у фонтана в центре города. Хмурая стриженная тетка продавала на углу сладкую вату и скрученных из воздушных шариков собачек. Она зло на них смотрела.

Саша была свободной и смелой, веселой и даже в намокшем сарафане очень уместной.

К вечеру городская площадь им надоела, они вернулись во двор, на трубы. Максим пытался шутить, ребята не поддавались, только хмыкали.

У подъезда напротив остановилась машина, из нее вдруг вышла Наташа, совсем большая. Саша помахала ей, но быстро опустила руку. Вряд ли Наташа помнит, как Саша с мамой приходила в гости много лет назад.

Наташа помахала в ответ — все-таки помнит. Пошла к ним, оставив у подъезда большой перламутрово-розовый чемодан — такие берут в настоящие путешествия, а не когда едут в Рязань.

Наташа улыбалась, Саша тоже.

— Отдыхаете? Как дела? Саша, как мама?

— Да, хорошо, спасибо, — три ответа склеились в один.

— Здорово, заходите, как будет время.

Наташа почти ушла, но вдруг обернулась:

— А мой сарафан-то отлично на тебе сидит! Приходи, еще что-нибудь найдем того же размера!

Наташа ушла, а Саша осталась.

Никто не пытался шутить, но Саша попробовала смеяться. Попробовала уколоть ладошку ногтями. Не помогало.

Саша спрыгнула с трубы и побежала домой, а ребята молчали, не глядя друг на друга. Им как будто дали задание — рассмотреть ботинки, балкон, трубу, макушку липы, тыльную сторону ладони.

Саша зашла в подъезд и подумала: хорошо было бы закончить эту историю фразой «и больше ее никогда не видели».

Но ее, конечно, видели.

Олег

Папа Олега был писателем, мама — балериной. А Олег был Олегом.

Ему не нравилось говорить о семье, вопросы раздражающе повторялись. Нет, книги у папы нет, но у него несколько тысяч читателей на фейсбуке. Да, мама и сейчас выступает, в современных постановках.

А затем обязательно спрашивали, чем занимается сын таких необычных людей. Наверняка Олег укрощает тигров, или пишет маслом, или записывает альбом, или снимает короткометражки. Но ничего такого Олег не умел.

Он вообще ничего не умел. В его комнате стояли гитара (чехол покрылся пылью), мольберт (зато украшал интерьер), одна лыжная палка, почему-то не попавшая на антресоли вместе с напарницей. Стояли как-то укоризненно.

Родители верили в свободу, творчество и в своего сына. И не жалели денег. Стоило Олегу чем-то увлечься — дома появлялись все необходимые инструменты, а в сообщениях от мамы — контакты лучших преподавателей.

Гитару отец вообще принес домой сам.
— Знаю, когда-нибудь ты ее попросишь. Решил предвосхитить!

Олег разучил «а-эм», «дэ-эм» и «е», но аккорды не становились музыкой. Самому не хотелось себя слушать. Олег думал, что с тех пор, как он начал искать у себя талант, прошла вечность. На самом деле — всего четыре года, но ведь в пятнадцать лет это почти треть твоей жизни. Невроятный срок.

Сосед Кирилл заканчивал музыкальную школу, готовился к выпускным. На весь двор из его окна мелодии звучали грустными историями. Мама останавливалась под окнами, слушала, и лицо ее тоже становилось грустным. Олег гадал: это сила искусства или слабость ее собственного сына?

Славка выигрывал соревнования по тайскому боксу. Накануне боев он сбрасывал вес, чтобы попасть в меньшую категорию, ходил унылый и голодный. В школе Олег смотрел то на Славку, то на сосиску в тесте из школьной столовой. Обменял бы Олег сосиску на соревнования? Пожалуй, не обменял бы.

Славка вообще-то сдаваться не любил, но Олегу сдался. Он несколько раз приводил друга на тренировки, а как-то даже дал ему в нос — для мотивации. Олег стараний не оценил, а после удара бокс совсем разлюбил.

Пока у Славки шли соревнования, лучше было дружить с Егором. Егор — товарищ по несчастью, то есть самый лучший товарищ, ведь из общих проблем растет самая крепкая дружба.

Егора Олег встретил в студии на занятиях по акварели. Акварель была непослушной, текучей. Проведешь линию кистью — от нее уже бегут капли к краю листа, совсем неправильные по цвету капли. Олег думал, что будет писать изысканные пейзажи и тоскливый город во время дождя. Но в классе перед ними ставили композиции из чайников, ваз, фруктов и струящихся тканей.

Через месяц занятий несколько работ даже забрали для презентации на Дне открытых дверей. Работу Олега не выбрали, и он, как и полагается творческой личности (а какая еще станет учиться акварели?), стал страдать и критично оценивать свои работы. Оказалось, яблоки выходили кривыми, а чайники — плоскими. Олег понял, что отношения с живописью пора заканчивать.

Егор же понял это о себе еще раньше, даже до начала занятий. Он вообще не хотел рисовать никакой акварелью. Комиксы — он бы еще подумал. Но мама давила:
— Где ты видел курсы по рисованию комиксов?

Егор не видел, а искать было лень. Так и оказался в компании красок, среди которых даже не было белой.

Егор нарочно делал предметы слишком большими или крошечными, ставил огромные кляксы посреди листа, оставлял жирные карандашные контуры и закрашивал фрукты одним цветом. Он хорошо знал, что хочет сказать своим творчеством: отстаньте.

Но Егора не исключали, хотя у него замечательно получалось бесить преподавателей.

— Я просто плохо рисую, я же говорил!

— Рисуют дети в саду, а мы — пишем! — отвечали ему.

Егор замечал, что с каждым разом обиды в голосе учителя становится больше. И все-таки ее не хватало даже на жалобы родителям. А жалобы самого Егора никто не слушал.

— Прояви настойчивость! С первого раза никогда не получается! — убеждала мама.

Егор решил воспользоваться советом: стал настойчиво добиваться исключения. Он заливал работы водой, портил краски, не промывал кисти — и те оставляли черные разводы. Он жевал чипсы во время занятий, один раз даже уронил мольберт. Он чуть было не начал уважать преподавателя за терпение, но от неуместного чувства его спасла новая идея.

На уроке, где полагалось написать пейзаж по памяти — любимое место на природе, — Егор забрался в угол, и отведенные два часа усердно работал, не подпуская к себе преподавателя: «Вы спугнете мое вдохновение». В конце занятия показал картину классу, но изображение ничем не напоминало пейзаж.

Егора выгнали. Олег изо всех сил ему завидовал и стал прогуливать занятия, а потом совсем перестал приходить.

От трех месяцев обучения у Олега остались мольберт (мама купила его сразу, с детства ведь о таком мечтала), стопка кривых натюрмортов и крепкая дружба с Егором.

С ним было просто, а иногда даже весело. Но главное, конечно, что просто. Егор мог задержаться онлайн

до середины ночи, тайком от родителей пробравшись к компьютеру, и играть в Fortnite. Он не беспокоился о ранних тренировках, не то что Славка. И не рассказывал ни про соревнования, ни про экзамены в музыкалке, ни про олимпиаду по математике. Зато передразнивал писклявый голос биологички и на спор откусывал половину биг-мака зараз.

***

Октябрь вышел подлым: солнце пекло как в августе, но иногда налетал холодный ветер. Олег попался: он возвращался из школы без куртки и как следует простудился.

Болезнь спасала от подготовки к контрольным, но заставляла почти все время проводить в уединении. Хорошего в этом было мало — внутренний голос начинал твердить про Олегову обыкновенность. «Даже заболел не как положено» — ни тебе перелома ноги, ни даже огромной температуры и осложнений. Градусник заело на отметке «37,5», и насморк самый обыкновенный. Такой, когда перестаешь верить, что ты когда-то жил без него.

Уединиться тоже не получалось. Отец работал над спецпроектом в блоге и целыми днями ритмично стучал по клавишам старенького макбука. Он отказывался покупать новый: считал это предательством. У отца вообще хватало странностей — то ли он мог их себе

позволить, потому что считался писателем, то ли ему приходилось их изобретать, чтобы писателем считаться.

Самая дурацкая странность: он не мог долго работать на одном месте. Набирал свои тексты, лежа в постели, сидя в гостиной, чередуя диван и кресло, на пуфике, на балконе, на кухне, даже в ванной.

Олег все время натыкался на отца, слоняясь по дому, и тот каждый раз пытался завязать разговор.

— Температура спала?

— Немножко.

— Прекрасно, можешь заняться делом. Чего ты по дому бродишь?

— У меня нет дела.

— Ну как же нет? А рисование? Или гитара? Кино хотя бы посмотри. — Отец, конечно, имел в виду классику кинематографа, трехчасовые фильмы, которые нужно было смотреть внимательно, не отвлекаясь на переписку или инстаграм.

— Я это все бросил. У меня просто, наверное, таланта совсем нет.

— Это преподаватели тебе сказали?

— Они же без работы останутся, если со всеми честными будут. Я сам понял.

— Как?

— Ерунда одна получается. Яблоки плоские, краски текут, гитара дребезжит, когда аккорды пытаюсь зажать. А на боксе мне Славка вообще в нос дал.

Отец задумался. Встал, подошел к книжному шкафу, достал с нижней полки картонную коробку, долго в ней копался.

Лучше бы просто сказал: «На самом деле ты молодец, Олег». Или посмотрел на рисунки: «Хорошая работа».

— Ага! — воскликнул он и вытащил потрепанную зеленую тетрадь. — Ты, значит, будешь первым читателем.

— А что это?

— Мой самый первый рассказ.

Олег взял тетрадку осторожно, опасаясь, что отец передумает. Настоящая драгоценность — одна из первых работ отца, написанная еще от руки. Наверное, тетрадке лет двадцать.

Отец вышел из комнаты: он терпеть не мог, когда его тексты читали при нем.

Момент был необыкновенный, торжественный. Обычно отец никак не выделял семью среди прочих читателей, никому не показывал черновики или даже просто слабые, по его мнению, работы. И вот поделился с Олегом сокровенным, еще никем не прочитанным текстом.

И какой выбрал момент! Когда говорили про талант, про поиск себя. Наверняка и рассказ об этом. Может быть, он специально написал его для своего ребенка, когда даже еще не был женат? Или вложил в эту историю все секреты, которые сам раскрыл в молодости?

Олег думал, что рассказ занимает всю тетрадь, но исписаны оказались лишь первые страницы. Ну и ничего — главное, какой это текст! Олег начал читать.

Через десять минут он закрыл тетрадь и молча уставился в стену.

Рассказ оказался дурацким.

Мая без «и краткой»

— Угадай, как ее имя пишется.

Проверяет на дурацкую грамотность.

— «Эм» — «а» — «и краткая» — «я».

— А вот и нет! Просто «М-а-я», три буквы.

Мая с именем из трех букв учится в «В» классе.

Лучше бы мы с Димкой не знали друг друга с детства. Он меня такой и помнит — круглой, с хвостом и заколками-сердечками. Кажется, смотрит на меня, а видит только эти щеки трехлетки.

Его мама приходила в гости к моей, и, пока они скучно разговаривали на кухне, мы строили дома из подушек. А теперь он сидит со мной на скамейке и рассказывает, как правильно писать имя Май. Я бы раньше над ним просто посмеялась, может, даже на лбу ему где-нибудь это имя написала, а он бы вырывался, и мы бы почти подрались. А мама бы даже на шум прибежала: ну вы же не малыши уже. А теперь непонятно, как с ним драться. За лето Димка ужасно вырос. «На полголовы», — мой папа сразу заметил.

Они пришли в гости в августе. Все, как обычно, вроде бы, только Димка — необычный совсем, новый как будто мальчик. Старого забыли на юге, привезли вместо него этого: чужого, загорелого, высокого. Новый Димка показал шрам на спине — после аквапарка. Нужно было кататься на специальных подушках, а он с самой высокой горки скатился вот так, с голой спиной, разодрал кожу до крови о стыки между этими горками. Показал фотографии в своем айфоне с разбитым экраном. Разбил о гальку: телефон из кармана вывалился. Мама ругалась, конечно, но все равно скоро новый покупать.

И голосом рассказывал чужим, не Димкиным, который был с визгливыми, какими-то отдельными звуками, а стал теплым и почти взрослым голосом.

Даже стыдно, что я про Димкин голос думала. Я же Димку тоже помню таким маленьким, вертлявым. Помню даже, что в детском саду он носил колготки, а сверху шорты. Это я не сама помню, но есть такая фотография, где мы оба в колготках, у меня фиолетовые, у него красные, и он улыбается во все лицо, а зуба впереди нет. Такой Димка, в колготках и без зуба, был своим и понятным, с ним легко было строить дом из подушек и прятаться под столом на праздниках, щекотать мамины ноги под коленками, пока нас не выгонят в детскую.

А теперь он показывал фото. И почему-то особенным было, что он сидит рядом, очень близко, ногой прижимается к моей. Я эту его ногу отчетливо чувствовала — вот она, Димкина нога в джинсах, не в красных колготках.

И непонятно, куда свою ногу девать, как будто она должна быть дальше, не вплотную. А ему ничего, показывает видео, как нырял с пирса, чуть не разбил голову, потому что там неглубоко, а местные не предупредили.

Это все из-за роста, из-за лета, скоро пройдет. Я, может быть, тоже летом изменилась, хотя бы чуть-чуть. Я читала на балконе, нос покраснел и облупился, но лицо почти не загорело. Но мне про лето рассказывать почти нечего, из-за этого обидно.

***

В сентябре у Димки начал сходить загар, и я к нему почти привыкла. Мы виделись уже редко: уроков куча, некогда. Он бы пришел в следующее воскресенье, как обычно, с родителями и стал бы уже обычным, своим. Но вдруг позвонил, и я зачем-то обрадовалась.

— Встретимся после школы? У тебя шесть уроков?

— Пять.

— Тогда я уйду с последнего, там ОБЖ. У входа?

— Угу.

— Забились!

После пятого я стою у входа в школу и радуюсь, что я лучше, чем ОБЖ. Хотя вообще-то ни капельки не трудно быть лучше, чем ОБЖ. А он говорит про Маю, Маю в три буквы, познакомился с ней на теннисе.

В сквере у школы все скамейки на солнечной стороне были заняты. Мы подсели к одинокому мужчине. А он сразу встал и ушел, и вроде бы из-за нас.

Если запрокинуть голову, опереться затылком о деревянную скамейковую спинку, видны: небо, ужасно сильно голубое, кривые ветки клена, листья скукожились и по краям коричневые, будто испачкались. И падают оранжевые сухие вертолетики. Летом можно разделить их пополам и приклеить на нос — мы приклеивали. Я поднимаю с земли один листочек, разрываю основание. Сухое, нелипкое. Цепляю за палец.

— Грязные же, ты чего делаешь! — Димка даже вскочил и отпрыгнул, будто я за ним сейчас побегу и закидаю грязными вертолетиками.

Это самое обидное. Что вскочил и отпрыгнул. Даже обиднее Майи. Я смотрю на свои коленки — внимательно. Ткань школьных брюк на солнце немного блестит. Если внимательно рассматривать, видно каждую толстую нитку.

— Ты что, плачешь?

Отпихиваю его. Я не плачу. В глазах остро колется, я держу их открытыми долго-долго, как в гляделках. Если моргнешь — слезы.

— Катя, ну чего ты! Я тоже могу грязные штуки с земли поднимать, смотри. — Хватает вертолетик, цепляет его себе на нос. Но он сухой и совсем не держится, сразу падает. Димка его поднимает, придерживает пальцами у носа.

— Согласен, отличные вертолетики, ни капли не грязные.

— Дурак! — Толкаю его и смеюсь.

Он старается закрепить вертолетик и задирает голову, чтобы держался. А потом говорит:

— У нее день рождения скоро. Не представляю, что дарить. Поможешь?

— У кого?

— У Майи. Которая без «и краткой».

— А у тебя еще какая-то есть?

— Что?

— И без «и краткой», и с ней?

Звучит зло, но Димка смеется.

— Нет, Мая — только одна. Но я даже один подарок не могу выбрать.

— Сегодня пойдем?

— Да, конечно, если ты можешь!

— Сразу бы позвал.

— Ну, может, ты бы не согласилась.

— Конечно же, согласилась бы, это же я.

— Ну да, это же ты... — говорит он, и я думаю про фото с фиолетовыми колготками.

***

Мы рассматриваем чашки, постеры, ретро-приемники. Красивые, но Димка морщится: радио и с телефона можно послушать. Ряды цветных ежедневников в кожаных обложках: нежно-салатовый, бирюзовый, фиолетовый,

белый. Мягкие игрушки дурацкой формы: лисы-шарики, мохнатые динозавры, собаки с плоскими мордочками. Собаки особенно глупые.

Можно же сказать — «собаку». Рассказать, что это как будто в детстве: мечтаешь о собаке — и вот она у Май появится. Хотя бы мягкая. И Димка поверит, принесет ей собаку со сплюснутым глупым лицом, совершенно ничемную собаку, которую даже не хочется к себе прижать или оставить на видном месте. Мне Димка поверит, а она ему наверняка ничего не скажет. И он никогда даже не узнает, что ей не понравилось.

— Собаку, — говорю.

Димка смотрит на игрушку, и лицо у него становится почти такое же сплюснутое.

— Думаешь?

— Ну, она забавная.

— Да?

Мы смотрим на собаку, а ее пластмассовые коричневые глаза никуда не смотрят. Совсем глупая, дурацкая игрушка, как ее только сделали такой, чтобы не хотелось даже обнять, и погладить, и поверить, что она смотрит в ответ.

Димка берет собаку на руки, и взгляд у него такой же растерянный и пустой.

— Нет, я ее издалека плохо рассмотрела. Дурацкая — не видишь, что ли? Пойдем!

***

Он говорит, что думал купить духи. С духами ошибиться проще всего. Наверняка ошибешься. Я представляю: она берет духи, а они, конечно, не те. И на Димку смотрит — и он тоже сразу не тот. Но это вряд ли так работает. Но вдруг сработает все-таки.

Мы пробуем десятки флакончиков. Пшикаем на картонные полоски тестеров. Путаемся, где какой. Почему-то оказываемся в мужском отделе, выбираем самый лучший запах, спорим. Ему нравится лимонный, мне — древесный, в шершавом флаконе.

— Ладно, все для тебя! — кричит он и обливается духами как в рекламе мужских дезодорантов — на грудь, на живот, на волосы.

Охранник смотрит на нас, мы смеемся, и Димка нарочно громко говорит:

— Пожалуй, я приобрету этот флакон! — показывает фиолетовый тестер с золотистой крышкой.

— Ты помнишь хотя бы, как он пахнет?

Димка качает головой, я пшикаю из тестера — запах тугий и сладкий, будто все сладкие вещи в мире одновременно засунули тебе в нос.

— Пойдем уже отсюда!

— Почему? Это плохие духи? Думаешь, ей не понравится? — Он почти бежит со мной к выходу.

Мы возвращаемся в первый магазин, я сую ему в руки ретро-радио.

Приемник размером в две ладони пыльно-розового цвета, в центре курсивом золотистый логотип. Я давно хочу себе такой, но все мои карманные деньги уходят на полезные вещи. Не такие бессмысленно-приятные. Но подарки же и должны быть не очень нужными.

— А если она не любит радио слушать?

От Димки, кажется, на весь город пахнет лучшими-мужскими-духами. Я вздыхаю.

— Тогда он просто будет красиво стоять в комнате.

Дома я нахожу Маю у Димки в друзьях. Я ее знаю, просто не знала, что она — Мая. Невысокая, с темными гладкими волосами, улыбается широко и по-доброму, как воспитательницы в детском саду. Такими обычно бывают девушки в сериалах, за которыми гонятся главные герои. Вроде бы ничего особенного, пока не улыбнется.

В пятницу я ее увидела. Так совпало, или Димка так специально сел. Концерт школьных групп, принудительно-добровольное посещение. Она на ряд впереди нас. Мая, без «и краткой», но с телефоном в руках, стоит возле своего кресла в актовом зале.

А вот она уже танцует. Я сижу совсем рядом, впервые вижу ее так близко. Так просто — вскочила с бархатно-красного кресла (сиденье с хлопком поднялось), вытянула руки с телефоном над головой и медленно движется, будто вокруг — танцпол, а не ровные ряды кресел и десятки сидящих людей.

И я сразу как будто потяжелела и вплавилась в кресло. Я ни за что бы не смогла так танцевать при всех. И улыбаться как воспитательница. И сладкие духи или дурацкая собака этого не изменят.

В воскресенье мама посадила меня резать салаты. Я это не люблю, особенно яйца. Пальцы липкие, белок выскальзывает, желток липнет к ножу. И квадратики всегда выходят неровными. Мама ругается, но в следующий раз все равно поручит яйца мне. Крабовые палочки из морозилки — пальцы от них леденеют и не слушаются. Мама запрашивает салат майонезом, ложкой приминает в аккуратную горку, кладет сверху листик петрушки, протирает края тарелки салфеткой. — Сегодня, что ли, праздник?

— Танька с мужем придет.

Танька сначала была маминой подругой, потом Димка стал моим другом, а Танькин муж, Димкин папа, — папиным другом. Но мама никогда не говорит, что придут Гореловы. Всегда придет Танька к маме, а с ней какие-то еще люди.

Вот они пришли, Танька и муж. Закрывают за собой дверь, а я смотрю растерянно: как они могут закрывать дверь, если Димка еще не зашел? Но они только обнимаются с мамой и шумно раздеваются в прихожей.

— Дима на дне рождения сегодня. Все рубашки перемерил, пока собирался, — смеется Танькин муж.

Мы сидим за столом, и я не могу залезть под стол — пощекотать мамины коленки. Не делать же это в одиночку — как-то глупо, даже если бы мне было пять лет. Слушаю

их взрослые разговоры. Вернее, пытаюсь, но внимание отскакивает от каждого нового слова.

— Наташку помнишь? Вот мы столкнулись недавно... — рассказывает Танька.

А я не слышу, где они столкнулись, потому что рассматриваю неровные кусочки яиц в салате. Когда же я научусь резать их ровно?

— Да курс сумасшедший, придержи, не покупай! — кричит Танькин муж.

Я ловлю отражение люстры в ручке вилки.

Они сидят допоздна, а я уйду к себе и выключаю свет — как будто легла, хотя никогда не засыпаю раньше полуночи. Я думаю, как мы вырастем, и у нас тоже будут семьи, и я буду резать салаты с ровными квадратиками и рассказывать про всяких Наташек. А сначала познакомим друг друга с нашими «половинками». Будем даже ходить на свидания вчетвером. А потом поймем, что все было неправильно, — и тогда поженимся. Самый лучший план.

А иначе мы знали бы друг друга от фиолетовых колготок и до седины и уже через десять лет стали бы ссориться из-за всего, из-за чего только можно. Я бы ему говорила, что отдала ему лучшие годы. А он — что не смотрел на других даже, дурак молодой был.

Я засыпаю, хотя еще нет полуночи. И думаю последнюю мысль этого воскресенья: больше я Димке никогда не напишу.

